

УДК 331.5:316.4:330.1:378
JEL: E24, I2, J2, J6, O15

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1579-1591>

Е. В. МАСЛЮКОВА¹,
В. В. ВОЛЬЧИК¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

ПРЕКАРИАТ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Контактное лицо:

Маслюкова Елена Васильевна, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, тел.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7143-2016>

Вольчик Вячеслав Витальевич, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, тел.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012>

Цель: анализ институциональных изменений в сфере высшего образования, формирующих современный рынок труда, идентификация факторов формирования прекариата с высшим образованием.

Методы: эконометрическое моделирование (модели логит- и пробит-регрессии).

Результаты: прекариат и его институционализированные формы являются важным фактором социально-экономического развития. Феномен прекариата заставляет исследователей в рамках общественных наук изменить подходы к анализу занятости, изменению условий труда, а также переосмыслить традиционные модели, связанные с трудовыми отношениями, как в экономической теории, так и в социологии. В работе определены основные факторы прекариатизации трудовых ресурсов, в числе которых рост неформальной занятости, развитие технологий, снижение роли профсоюзов, а также политика компаний по сокращению издержек и переносу их на работников. В контексте проанализированных научных работ в современном западном и российском дискурсе также определено, что прекариат тоже формируется в условиях негативных тенденций в сфере высшего образования, таких как бюрократизация образовательных процессов, приводящая к смещению ценностей с профессионализма на достижение показателей эффективности работы учреждений образования. Установлено, что тенденциями прекариатизации также стали нормализация неустойчивой работы, маркетинговая и внедрение конкурентных механизмов в общественном секторе. Определены основные причины, затрудняющие эффективное равновесие на рынке труда между потребностями работодателей и распределением бюджетных мест. На основе эконометрического моделирования и определения основных факторов, влияющих на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием (ВРП на душу населения; уровень безработицы, тип населенного пункта, а также пол, семейное положение, наличие детей до 18 лет и стаж работы), были определены те из них, которые в наибольшей степени отражают вероятность попадания в группу прекариата.

Научная новизна: заключается в выявлении количественных и качественных характеристик прекариатизации в российских условиях в контексте технологических и институциональных изменений, а также оценки влияния выявленных факторов на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием.

Практическая значимость: определяется необходимостью понимания того, как университетское образование адаптируется к изменениям на рынке труда и связано с нестабильностью и прекариатизацией при разработке мер социально-экономической политики. Предложено применение моделей логит- и пробит-регрессии для предсказания вероятности попадания в группу прекариата с высшим образованием.

Ключевые слова: социально-экономические аспекты развития высшего образования; сфера высшего образования; прекариат; институциональные изменения; рынок труда; социально-экономическая политика

Благодарность: работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-010-00651 «Выпускники университетов как новый прекариат».

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Маслюкова Е. В., Вольчик В. В. Прекариат и высшее образование // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1579–1591. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1579-1591>

E. V. MASLYUKOVA¹,

V. V. VOLCHIK¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

PRECARIAT AND HIGHER EDUCATION

Contact:

Elena V. Maslyukova, Associate Professor of the Faculty of Economics, Southern Federal University

Address: 105/42 B.Sadovaya Str., 344006 Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7143-2016>

Vyacheslav V. Volchik, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

Address: 105/42 B.Sadovaya Str., 344006 Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012>

Objective: to analyze institutional changes in higher education which form the modern labor market; to identify the factors of forming precariat with higher education.

Methods: econometric modeling (logit- and probit regression models).

Results: precariat and its institutionalized forms are an important factor of socio-economic development. The phenomenon of precariat makes researchers in social sciences change approaches to the analysis of employment and changes in working conditions, and rethink the traditional models associated with labor relations, both in economic theory and in sociology. The paper identifies the main factors of precariatization of labor resources, including the growth of informal employment, the development of technology, the decline in the role of trade unions, as well as the policy of companies to reduce costs and transfer them to employees. In the context of the analyzed scientific works in the modern Western and Russian discourse, it is also determined that precariat is also formed under negative trends in higher education, such as the bureaucratization of educational processes, leading to a shift of values from professionalism to the achievement of performance indicators of educational institutions. It is found that precariatization trends also include normalization of unstable work, marketization and introduction of competitive mechanisms in the public sector. The main reasons are determined which hinder the effective balance in the labor market between the needs of employers and the distribution of budget places. Based on econometric modeling and determining the main factors which affect the probability of entering the group of precariates with higher education (GRP per capita; unemployment rate, type of settlement, as well as gender, marital status, children under 18 years of age and work experience), the authors identified those which best reflect the probability of entering the group of precariates.

Scientific novelty: consists in identifying the quantitative and qualitative characteristics of precariatization in Russia in the context of technological and institutional changes, as well as in assessing the impact of the identified factors on the probability of entering the group of precariat with higher education.

Practical significance: is determined by the need to understand how university education adapts to the changes in the labor market and is associated with instability and precariatization in the development of socio-economic policies. It is proposed to use logit- and probit regression models to predict the probability of entering the group of precariat with higher education.

Keywords: Socio-economic aspects of higher education development; Sphere of higher education; Precariat; Institutional changes; Labor market; Socio-economic policy

Acknowledgement: The work is performed with the support of the Russian fund of Basic Research, grant No. 19-010-00651 “University graduates as new precariat”.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Maslyukova E. V., Volchik V. V. Precariat and higher education, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 4, pp. 1579–1591 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1579-1591>

Введение

Концепт прекариата¹, который в 2011 г. предложил Г. Стэндинг [1], все больше становится востребованным в социальных науках и в экономической теории в частности. Если для социологов одним из важнейших вопросов остается, как прекариатизация влияет на изменения социальных статусов и социальную мобильность [2–4], то для экономистов важнейшими вопросами, связанными с прекариатом, стали изменения на рынке труда, структуры занятости и институтов, влияющих на формирование новых равновесий (неравновесий) в контексте возрастающей неопределенности [5]. Исследования прекариата с самого начала имеют междисциплинарный характер, и очень трудно осуществить демаркацию между подходами различных социальных наук. Можно сказать, что прекариат и прекариатизация стали важной характеристикой многих сфер современного общества и предметом исследования социальных наук. Концепт прекариата продолжает и развивает исследования классовой структуры современного общества в условиях технологических, политических и экономических изменений [6]. Плюрализм и сотрудничество в среде экономистов, социологов и представителей политических

наук позволяют получить результаты, которые могут использоваться при разработке и корректировке мер экономической политики.

В экономической теории получение высшего образования связывается с положительными экстерналиями. Поэтому охват высшим образованием рос на всем протяжении XX в. и растет в XXI в. Однако его распространение сталкивается с новыми вызовами, одним из которых является прекариатизация. Высшее образование для общества имеет ценность не только в контексте потребностей рынка труда в рабочей силе высшей квалификации. В рамках данной работы мы анализируем лишь один из аспектов распространения высшего образования – прекариатизацию.

Возникновение современного прекариата связано с быстрыми и радикальными технологическими и институциональными изменениями последних десятилетий. Технологические изменения тесно связаны с институциональными изменениями [7], поэтому мы рассматриваем их вместе как базовые факторы прекариатизации.

Прекариатизация в контексте институциональных и технологических изменений

При исследовании факторов прекариата очень трудно и даже невозможно провести четкую и однозначную демаркацию между институциональными и технологическими детерминантами изменений. Институциональные изменения связаны с ростом неформальной занятости и самозанятости в рамках экономики свободного заработка *gig economy*, которая демонстрирует свой бурный рост в последние десятилетия [8–10]. Можно сказать, что с развитием новых форм занятости и сопутствующих институциональных изменений, как формальных, так и неформальных, мы сталкиваемся с радикальными из-

¹ Ухудшение социально-трудового положения большой массы работников, рост их социальной незащищенности и нестабильности на рынке труда в научной литературе получили обозначение как процесс прекариатизации. Основным признаком прекариата является его неустойчивое положение в рамках социального порядка: «...он состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, так что он совсем не похож на салиариат. И в отличие от пролетариата он не имеет никаких отношений общественного договора, обеспечивающего гарантии труда в обмен на субординацию и определенную лояльность, – неписаное правило, лежащее в основе социального государства» [1, с. 23].

менениями на рынке труда, которые по масштабности соизмеримы с «великой трансформацией» на рынке труда в XIX в., описанной К. Поланьи [11].

В свою очередь, рост экономики свободного заработка связан с технологическими изменениями, и прежде всего в развитии информационных технологий, биотехнологий и искусственного интеллекта [12].

Развитие высшего образования во многом связано с технологическими и институциональными изменениями, формирующими современный рынок труда. Высшее образование стало массовым и охватывает все большее количество населения. Важным следствием этого является тот факт, что все больше профессий требуют высшего образования. Другим фактором распространения рабочих мест, требующих высшего образования, стало развитие технологий, использование которых предполагает наличие у работников сложных компетенций.

Изменения в физических технологиях связаны с изменениями в технологиях социальных [13, 14], т. е. изменениях в институциональной структуре высшего образования, а также рынка труда. В настоящее время наблюдаются динамичные изменения формальных институтов, связанных с занятостью (законы о самозанятых, упрощение налогообложения самозанятых). Неформальные институты в силу институциональной инерции очень сильны со времен переходной экономики. Все эти институциональные изменения непосредственно влияют на стабильность и защищенность занятости и могут рассматриваться в контексте прекаризации.

Важным фактором прекариатизации занятости являются усилия работодателей, связанные с политикой сокращения издержек или увеличения управленческого контроля за работой. В этом случае прекариатизация занятости не является непредсказуемой, случайной или хаотичной, но на самом деле возникает из управленческой реорганизации, которая фокусируется на «переносе затрат» на работников посредством «гибких» трудовых договоров. На самом общем уровне эта реорганизация включает в себя смещение исчисления издержек: затраты, связанные с использованием стабильной рабочей силы, снижаются, даже если это добавляет другие затраты, особенно затраты, связанные с приемом/увольнением временных работников. Таким образом, увольнения стали основным компонентом

стратегий реструктуризации работодателей. Они отражают способ увеличения краткосрочной прибыли за счет сокращения затрат на рабочую силу, даже в хорошие экономические времена. Гибкость рынка труда – стратегия, принятая для минимизации негативного воздействия экономических потрясений, связанных с наймом и увольнением работников, – нередко рассматривается как шаг, позволяющий бизнесу легче адаптироваться в сложных экономических условиях. Однако на практике гибкость рынка труда отрицательно сказывается на работниках, поскольку это снижает уровень занятости и льгот, снижает заработную плату и благосостояние, устраняет защиту работников, ослабляет профсоюзы и уменьшает их влияние. Гибкость рынка труда также вызывает процессы неформализации в трудовых отношениях в формальном секторе и, таким образом, ухудшает определяющую характеристику формального сектора в области защиты и регулирования. С точки зрения социальной науки реструктуризация, связанная с менеджизмом как в государственном, так и в частном секторах, подчеркивает тревожные тенденции в отношении политики занятости в нестабильных профессиональных сообществах.

Эволюция современного рынка труда происходит в направлении повышения его гибкости. Данная тенденция является следствием ослабления роли профсоюзов, неолиберального дерегулирования трудовых отношений, а также возникновением новых форм занятости, отличающихся от традиций и норм salariата [15]. Изменяющиеся требования к занятости влияют на параметры спроса на рабочую силу с высшим образованием. В результате мы получаем нетрудоустроенных специалистов, чья квалификация не востребована на рынке труда. Однако система высшего образования, обладая определенной институциональной и организационной инертностью [16], адаптируется к требованиям рынка труда с определенным временным лагом. Необходимо различать те адаптивные возможности высшего образования на рынке труда, которые реализуемы в плане взаимодействия академического сообщества и работодателей, и те, которые связаны с фундаментальной неопределенностью, связанной с технологическими и институциональными инновациями. Формирование прекариата связано, прежде всего, с тем, что увеличение гибкости трудовых отношений в условиях

четвертой промышленной революции [17] приводит к возникновению условий, где формы занятости, которые относятся к неформальной и частичной, трансформируются в синтетическую форму precarious занятости.

Новые требования четвертой промышленной революции к занятости получили отражение в высшем образовании, что выразилось в создании новых форм обучения, ориентированных на практику, распределенных во времени и совмещенных с профессиональной деятельностью [18]. Реформы российской сферы образования сопровождаются масштабными институциональными изменениями, которые привели к бюрократизации, ориентации на достижение показателей эффективности, не связанных с профессиональными ценностями, стагнации доходов, неравенства между регионами и нестабильности профессиональных траекторий. При этом снижение престижа социально ориентированных профессий, материальное благосостояние, наряду с нестабильностью, становятся основными факторами precariousности [19].

Рост precariousности сопровождается политикой, направленной на повышение эффективности сфер общественного сектора. Происходит гибридизация экономических отношений [20], однако изменение пропорций между частным и общественным сектором и внедрение конкурентных механизмов происходят асинхронно формированию устойчивых эффективных институтов [21]. Данная асинхронность приводит к неустойчивости профессиональных статусов, в частности среди социально ориентированных профессий. Учитывая тот факт, что социально ориентированные профессии (учителя, врачи) требуют высокой квалификации и высшего образования, можно констатировать, что существуют тревожные тенденции precariousности. Такие процессы precariousности слабо зависят от рыночных факторов и при отсутствии государственной политики, направленной на устранение причин precariousности, создают угрозы для социального и экономического развития.

G. Morgan, J. Wood и P. Nelligan [22] рассматривают влияние precariousности занятости на субъективное восприятие молодежи или, в частности, на ценности и планы, которые молодые люди привносят в работу в творческих отраслях. Авторы показывают, как ак-

цент на креативность – призыв быть инновационным и постоянно изобретать карьеру и идентичность – маскирует неустойчивость. Одним из следствий дискурса инноваций и творчества является нормализация неустойчивой работы. Это играет на руку работодателям, например, в средствах массовой информации и моде, которые с радостью поощряют «внештатное творчество», которое является разновидностью неустойчивой работы. Однако молодые люди необязательно стремятся получить устойчивый и предсказуемый источник дохода, как это делали их родители. «Хотя нет никаких сомнений в том, что большинство из них стремятся к безопасности, временная работа – это, скорее, доход, чем гарантия занятости в обычном смысле».

Важной особенностью precariousности является широкое распространение неолиберальной доктрины и ее влияние на механизмы регулирования и институты рынка труда. Согласно неолиберальным принципам проведения реформ во всех сферах, где это возможно, должны внедряться рыночные принципы, стимулирующие развитие конкуренции. Внедрение таких принципов сопровождается масштабным дерегулированием, созданием новых рынков и дизайном экономических механизмов [23], маркетинговой и товаризацией (*commodification*) в общественном секторе. Неолиберальные реформы также сильно затронули сферу высшего образования, где менеджизм и новый менеджмент в общественном секторе стали важнейшими ориентирами развития [24, 25]. Маркетинговая высшее образование, по идее реформаторов, должна способствовать установлению более эффективных равновесий на рынке труда. Потребности работодателей через рыночные механизмы должны влиять на распределение бюджетных мест между вузами и направлениями подготовки (трудоустройство выпускников) в соответствии с потребностями рынка труда. Однако в российской практике такие механизмы работают плохо. Среди причин, затрудняющих установление эффективных равновесий, можно выделить несколько наиболее значимых.

Во-первых, при планировании контрольных цифр приема по направлениям подготовки, а также включением в образовательные программы предметов с необходимыми компетенциями и реальным спросом на такие компетенции со стороны спроса на рынке труда существуют значительные временные

лаги. Такие лаги в современных условиях составляют минимально от шести до восьми лет (два года на планирование и подготовку образовательной программы и четыре года обучения в бакалавриате плюс два года в магистратуре).

Во-вторых, отсутствие у планировщиков неявного знания о предпочтениях на рынке труда. Важность неявного знания обычно недооценивалась в плановой экономике, что приводило к дисфункциям планирования и недостатку рыночных инноваций, ориентированных на потребителя [26]. В случае планирования на рынке труда неизбежно недостаток неявного знания будет отражаться на качестве планов.

В-третьих, важным фактором искажений при планировании контрольных цифр являются действия групп специальных интересов (конфликт интересов), которые неизбежно будут лоббировать профессиональные, клановые и региональные интересы тех или иных сообществ [27, 28].

В-четвертых, при определении потребностей рынка труда в специалистах с высшим образованием нельзя игнорировать невозможность планирования распределения труда без планирования размещения капитала. В рыночной экономике влияние плановых органов на размещение капитала незначительно и ограничено общественным сектором и государственными предприятиями, что не позволяет влиять и, следовательно, с достаточной точностью определять направления размещения капитала и сопутствующего спроса на квалифицированные кадры.

В-пятых, существует неустранимая фундаментальная неопределенность, связанная со сложностью и адаптивностью экономических систем [29, 30]. Неэргодичность, присущая экономическим порядкам [31], также должна учитываться в контексте повышения значимости институциональной структуры в плане устойчивого и сбалансированного развития системы образования и рынков труда, ориентированных на квалифицированные кадры.

Реформирование российского высшего образования не привело к снижению неопределенности и неустойчивости в сегменте рынка труда выпускников вузов. В эмпирическом разделе данной работы мы используем модели логит- и пробит-регрессии с целью предсказания вероятности попадания в группу прекариата с высшим образованием. Модели логит- и пробит-регрессии являются мощным статистиче-

ским инструментом диагностики факторов развития прекариатизации с учетом условий, складывающихся в макроэкономической среде, а также комплексной оценки влияния выявленных факторов на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием.

Данные и методология

В эмпирической части нашей работы мы используем данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «ВШЭ» за 2017 г. (26-я волна) [32]. Из анализа исключены респонденты, не имеющие высшего (третичного) образования, а также все категории неработающих. Основными критериями выделения единиц прекариата с высшим образованием являются:

- работа без официального оформления трудовых отношений;
- неофициальная и частично неофициальная оплата труда;
- наличие задолженности предприятия перед работником, которая по разным причинам не выплачена вовремя;
- уменьшение зарплаты или сокращение часов работы не по желанию работника в течение последних 12 месяцев;
- вынужденный неоплачиваемый отпуск в течение последних 12 месяцев;
- отсутствие ежегодного оплачиваемого отпуска за последние 12 месяцев;
- наличие неофициальной дополнительной работы;
- наличие неофициальных случайных заработков в течение последних 12 месяцев;
- различные виды самозанятости.

Влияние наблюдаемых характеристик для предсказания вероятности попадания в группу прекариата с высшим образованием можно оценить, используя модели логит- и пробит-регрессии, в которой зависимой переменной (*Precar*) выступает статус работников: «прекарий» (принимает значение 1) или формальный работник (принимает значение 0 – референтная группа для сравнения). Логит- и пробит-модели позволяют лучшим образом отразить зависимость качественного признака, принимающего бинарные значения 0 или 1, от некоторого множества объясняющих переменных.

$$p(\eta = 1|x) = F(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_k x_k),$$

где η – случайная величина с возможными значениями 0 и 1, характеризующая результат i -го наблюдения, x_1, x_2, \dots, x_k – объясняющие переменные, $\beta_0, \beta_1, \beta_2, \dots, \beta_k$ – оцениваемые параметры.

В пробит-модели функция F – функция распределения нормальной случайной величины:

$$p = F(Z) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_{-\infty}^Z e^{-\frac{u^2}{2}} du,$$

$$Z = \beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_k x_k.$$

Для логит-регрессии в качестве функции F выбирается функция логистического распределения (S -образная кривая):

$$p = F(Z) = \frac{e^Z}{1+e^Z}.$$

К объясняющим характеристикам относятся:

1. Переменные, характеризующие «внешнюю рыночную среду»:

– $\log GRPPc$ – ВРП на душу населения;

– $unemp$ – уровень безработицы, %.

– Obl – дамми-переменная, характеризующая тип населенного пункта: 1 – областной центр, 0 – остальное.

2. Индивидуальные характеристики респондентов:

– $Gender$ – дамми-переменная для пола (1 – мужской, 0 – женский)

– Age – возраст респондента;

– $sqAge$ – квадрат возраста;

– $Abor$ – дамми-переменная, характеризующая место рождения респондента (1 – родились там, где живете сейчас, 0 – в другом городе);

– $Child$ – количество детей младше 18 лет;

– Exp – официально оформленный общий трудовой стаж, не считая времени учебы на дневном отделении вуза или техникума, лет;

– $SqExp$ – квадрат официально оформленного общего трудового стажа.

Набор дамми-переменных, характеризующих семейное положение:

– $Married$ – состоят в зарегистрированном браке + живете вместе, но не зарегистрированы;

– $Widow$ – вдовец/вдова;

– $Nomarrried$ – никогда в браке не состояли;

– $Divorced$ – разведены и в браке не состоят + официально зарегистрированы, но вместе не проживают.

Восприятие precarious форм занятости в отношении структурных возможностей, предоставляемых рынком труда, может быть связано с определенным жизненным этапом, осознанием возможной государственной поддержки (пособие по безработице, социальная помощь и пенсия по старости) и будущих перспектив. Очевидно, что образовательный и профессиональный выбор играет определенную роль в разработке стратегий карьерного роста, даже если этот фактор частично определяется социально-экономической средой. Например, занятость в течение нескольких часов в неделю во время учебы может рассматриваться как предпочтительный способ получения опыта для обеспечения новых перспектив в будущем.

Семейное положение также следует рассматривать как один из важных факторов, влияющих на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием. С одной стороны, одинокая жизнь, отсутствие ответственности за других членов семьи обеспечивают гибкость с точки зрения рабочего времени и рабочего места. С другой стороны, она не позволяет избежать финансовых затруднений и моральной поддержки со стороны других членов домохозяйства.

Различные формы precarious труда наиболее распространены в тех секторах, в которых большинство женщин, а именно в сфере услуг физическим лицам, образовании и здравоохранении [33]. Выбор различных форм precarious труда для женщин может основываться на более гибких условиях и часах работы (возможность перехода на неполный рабочий день, а затем обратно на полный рабочий день, возможные меры в отношении расписания, свободное время во время школьных каникул и т. д.).

Наличие в семье детей младше 18 лет делает гибкий график работы желательным для матерей, даже если зарплата в этом случае ниже. Гибкий рабочий график (*flexitime* или *flexplace*) уменьшает конфликт «семья – работа» (*work – family conflict*), смягчая «психологические и материальные границы, существующие между работой и ролью в семье» [34].

Результаты моделирования

Объем выборки составил 1 764 человека. Deskриптивные статистики представлены в табл. 1.

Таблица 1
Дескриптивные статистики по переменным модели

Table 1. Descriptive statistics by the model variables

Переменная / Variable	Precar = 1 («прекарий») / Precar = 1 ("precarium")		Precar = 0 («формальный работник») / Precar = 0 ("formal employee")	
	Среднее / Mean	Ст. откл. / Standard deviation	Среднее / Mean	Ст. откл. / Standard deviation
Количество наблюдений / Number of observations	713		1 051	
Age	40,79383	13,22455	42,14748	12,35330
Married	0,68022	0,46672	0,71075	0,45363
Widow	0,02665	0,16117	0,04282	0,20254
Nomarrried	0,17812	0,38288	0,15319	0,36034
Divorced	0,11501	0,31925	0,09324	0,29091
Gender	0,40673	0,49157	0,36346	0,48123
Abor	0,58766	0,49260	0,55852	0,49680
Child	0,75316	0,95735	0,62417	0,82378
Exp	16,71424	12,81104	20,20385	12,34021

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.
Source: compiled by the authors based on calculations.

Таблица 2 содержит оценки коэффициентов логит- и пробит-регрессии.

Таблица 2
Результаты оценки коэффициентов логит- и пробит-регрессии

Table 2. Results of estimating the coefficients of logit- and probit-regression

Переменная / Variable	Logit	Probit
	coef/se	coef/se
logGRPPc	-0,604*** (0,144)	-0,374*** (0,088)
unemp	-0,084** (0,033)	-0,053*** (0,020)
Obl	0,430*** (0,113)	0,265*** (0,069)
Age	0,061 (0,047)	0,041 (0,028)
sqAge	0,000 (0,001)	0,000 (0,000)

Маслюкова Е. В., Вольчик В. В. Прекариат и высшее образование
Maslyukova E. V., Volchik V. V. Precariat and higher education

Окончание табл. 2

Переменная / Variable	Logit	Probit
	coef/se	coef/se
Married	-0,133 (0,160)	-0,076 (0,099)
Widow	-0,470 (0,384)	-0,244 (0,221)
Divorced	0,375* (0,223)	0,233* (0,137)
Gender	0,200* (0,107)	0,126* (0,065)
Abor	0,029 (0,108)	0,018 (0,066)
Child	0,284*** (0,068)	0,171*** (0,041)
Exp	-0,159*** (0,025)	-0,099*** (0,015)
SqExp	0,001** (0,000)	0,001** (0,000)
const	6,527*** (2,193)	4,000*** (1,333)
Количество наблюдений / Number of observations	1 764	1 764

Источник: составлено авторами по результатам расчетов, в скобках указаны робастные стандартные ошибки; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Source: compiled by the authors based on calculations, robust standard errors are shown in brackets; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

В случае логит- и пробит-моделей для содержательной интерпретации результатов можно вычислить предельные эффекты, рассчитываемые как частная производная по i -й переменной. Предельный эффект i -го фактора в случае пробит-регрессии вычисляется следующим образом:

$$\frac{\partial P(\eta_i = 1|x^{(i)})}{\partial x_j} = \frac{d\Phi(s)}{ds} \frac{\partial s}{\partial x_j} \Big|_{s=x^{(i)}\beta} = \varphi(x^{(i)}\beta)\beta_j.$$

Для логит-регрессии предельный эффект i -го фактора вычисляется по формуле:

$$\frac{\partial P(\eta_i = 1|x^{(i)})}{\partial x_j} = \frac{d\Lambda(s)}{ds} \frac{\partial s}{\partial x_j} \Big|_{s=x^{(i)}\beta} = \frac{e^{x^{(i)}\beta}}{1 + e^{x^{(i)}\beta}} \beta_j.$$

Оценки средних предельных эффектов для объясняющих факторов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Предельные эффекты логит- и пробит-регрессии

Table 3. Ultimate effects of logit- and probit-regression

Переменная / Variable	Logit_margins	Probit_margins
logGRPpc	-0,145***	-0,144***
	(0,034)	(0,034)
unemp	-0,020**	-0,021***
	(0,008)	(0,008)
Obl	0,103***	0,102***
	(0,027)	(0,027)
Age	0,015	0,016
	(0,011)	(0,011)
sqAge	0,000	0,000
	(0,000)	(0,000)
Married	-0,032	-0,029
	(0,038)	(0,038)
Widow	-0,113	-0,094
	(0,092)	(0,085)
Divorced	0,090*	0,090*
	(0,053)	(0,053)
Gender	0,048*	0,049*
	(0,026)	(0,025)
Abor	0,007	0,007
	(0,026)	(0,025)
Child	0,068***	0,066***
	(0,016)	(0,016)
Exp	-0,038***	-0,038***
	(0,006)	(0,006)
SqExp	0,000**	0,000**
	(0,000)	(0,000)
Количество наблюдений / Number of observations	1 764	1 764

Источник: составлено авторами по результатам расчетов, в скобках указаны робастные стандартные ошибки; *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Source: compiled by the authors based on calculations, robust standard errors are shown in brackets; *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Переменные, характеризующие региональный уровень развития (logGRPpc, unemp), а также дамми-переменная Obl, индицирующая тип населенного пункта, оказывают значимое влияние на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием. При этом вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием у индивида на 10,3 п. п. выше, если он проживает в областном центре. Таким образом, неоднородность региональных рынков труда с точки зрения общего уровня экономического развития, индицируемого показателем ВРП на душу населения, и индикатора напряженности на рынке труда (уровень безработицы) можно рассматривать как одну из причин увеличения прекарных форм занятости.

Следует отметить следующие выводы расчетов уравнения:

Подтвердилась параболическая зависимость вероятности попадания в группу прекариата с высшим образованием от опыта работы (стажа).

Увеличение количества детей младше 18 лет на 6,6 п. п. увеличивает вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием.

Гендерные различия слабо влияют на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием.

Характеристики семейного положения индивида также не оказывают существенного влияния на вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием: статистически значимым предиктором с положительным знаком оказался Divorced (разведены и в браке не состоят + официально зарегистрированы, но вместе не проживают) по сравнению с базовой категорией – Nomarried (никогда в браке не состояли).

Несколько заключительных замечаний

Прекариат можно рассматривать как новую социальную реальность [35]. Множество исследований демонстрируют, что явления, которые можно отнести к прекариату и прекариатизации, наблюдаются практически во всех сферах занятости. Изменения на рынке труда, связанные с усилением его гибкости, новыми технологиями, ростом неформальной занятости [36, 37], ведут к трансформации реакции и моделей поведения акторов. Восприятие работы тесно связано с взаимодействием между индивидуальными устремлениями, внешней средой (семьей или обществом) и возможностями, предоставляемыми рынком труда.

Нелиберальные реформы в сфере высшего образования привели к его маркетизации, парадоксальным образом сочетающейся с ростом бюрократии [38–40]. Технологические и институциональные изменения [41] непосредственно влияют на стабильность и защищенность занятости. Повышение доступности высшего образования приводит к тому, что выпускники часто не могут найти работу, соответствующую их ожиданиям по квалификации и оплате труда.

Используемые в работе модели логит- и пробит-регрессии позволили выявить основные факторы, дифференцирующие вероятность попадания в группу прекариата с высшим образованием: факторы, характеризующие «внешнюю рыночную среду» (ВРП

на душу населения; уровень безработицы, тип населенного пункта), а также пол, семейное положение, наличие детей до 18 лет и стаж работы.

Растущая зависимость от политики неолиберализма, а также ослабления профсоюзов и регулирования рынка труда привели к трансформации трудовых норм, что приводит к повышению уровня прекариатизации занятости. Отсутствие достойных условий труда для всех слоев общества имеет негативные последствия, включая снижение качества жилья и питания, уровня образования и социального взаимодействия в обществе. Таким образом, общее снижение уровня прекариатизации занятости может способствовать значительному улучшению благосостояния и уровня жизни населения.

Список литературы

1. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. New York: Bloomsbury Academic, 2011.
2. Alonso A., Ferreira S., Alonso D. Middle Class Evolving To Precariat: Labour Conditions for the 21st Century // *Social Work & Society*. 2016. Vol. 14. № 1. Pp. 1–12.
3. Bessant J. Young precariat and a new work order? A case for historical sociology // *Journal of Youth Studies*. 2018. Vol. 21. № 6. Pp. 780–798. DOI: 10.1080/13676261.2017.1420762
4. Тихонова Н. Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // *Социологические исследования*. 2019. Т. 2, № 2. С. 167–173. DOI: 10.31857/s013216250004023-8
5. Volchik V., Maslyukova E. Entrepreneurship at the labour market: a case of precariat and informal employment // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2019. Vol. 6, № 4. Pp. 2095–2109. DOI: 10.9770/jesi.2019.6.4(38)
6. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
7. Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Институты, технологии и возрастающая отдача // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2015. Т. 7, № 1. С. 45–58. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.1.045-058
8. Muntaner C. Digital Platforms, Gig Economy, Precarious Employment, and the Invisible Hand of Social Class // *International Journal of Health Services*. 2018. Vol. 48, № 4. Pp. 597–600. DOI: 10.1177/0020731418801413
9. Tran M., Sokas R. K. The gig economy and contingent work: An occupational health assessment // *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 2017. Vol. 59, № 4. Pp. e63–e66. DOI: 10.1097/jom.0000000000000977
10. Healy J., Nicholson D., Pekarek A. Should we take the gig economy seriously? // *Labour & Industry: a journal of the social and economic relations of work*. 2017. Vol. 27, № 3. Pp. 232–248. DOI: 10.1080/10301763.2017.1377048
11. Поляны К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
12. Bessant J. *The Great Transformation: History for a Techno-Human Future*. Routledge, 2018. 250 p.
13. Nelson R. R., Nelson K. Technology, institutions, and innovation systems // *Research policy*. 2002. Vol. 31, № 2. Pp. 265–272. DOI: 10.1016/s0048-7333(01)00140-8
14. Nelson R. R., Winter S. G. Evolutionary theorizing in economics // *Journal of economic perspectives*. 2002. Vol. 16, № 2. Pp. 23–46. DOI: 10.1257/0895330027247
15. Standing G. The precariat: from denizens to citizens? // *Polity*. 2012. Vol. 44, № 4. Pp. 588–608. DOI: 10.1057/pol.2012.15
16. Volchik V. Facilities of original institutional economics in research of institutional changes // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2011. Vol. 2, № 4. Pp. 24–38.
17. Johannessen J. A. *The Workplace of the Future: The Fourth Industrial Revolution, the Precariat and the Death of Hierarchies*. Routledge, 2018.
18. Penprase B. E. *The fourth industrial revolution and higher education // Higher education in the era of the fourth industrial revolution*. Palgrave Macmillan, Singapore, 2018. Pp. 207–229.

19. Volchik V., Klimenko L., Posukhova O. Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities // *Entrepreneurship and Sustainability*. 2018. № 6. Pp. 411–428. DOI: 10.9770/jesi.2018.6.1(25)
20. Gregory C. From public policy to pure anthropology: A genealogy of the idea of the hybrid economy // *Engaging indigenous economy: debating diverse approaches*. 2015. Vol. 26, № 1. Pp. 29–42. DOI: 10.22459/caepr35.04.2016.03
21. Volchik V. V., Posukhova O. Y. Precarity and professional identity in the context of institutional change // *Terra Economicus*. 2016. Vol. 14, № 2. Pp. 159–173. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-159-173
22. Morgan G., Wood J., Nelligan P. Beyond the vocational fragments: Creative work, precarious labour and the idea of ‘flexploitation’ // *The Economic and Labour Relations Review*. 2013. Vol. 24, № 3. Pp. 397–415. DOI: 10.1177/1035304613500601
23. Mirowski P., Nik-Khah E. *The knowledge we have lost in information: the history of information in modern economics*. Oxford University Press, 2017.
24. Вольчик В. В., Корытцев М. А., Маслюкова Е. В. Институциональные ловушки и новый менеджеризм в сфере образования и науки // *Управленец*. 2018. Т. 9, № 6. С. 17–29.
25. Volchik V., Maslyukova E. Performance and sustainability of higher education: key indicators versus academic values // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2017. Т. 6, № 3. С. 501–512. DOI: 10.9770/jssi.2017.6.3(14)
26. Hayek F. A. *The fatal conceit: The errors of socialism*. Routledge, 2013.
27. Olson M. The devolution of the Nordic and Teutonic economies // *The American Economic Review*. 1995. Vol. 85, № 2. Pp. 22–27.
28. Holcombe R. G. *Political capitalism: How political influence is made and maintained*. Cambridge University Press, 2018.
29. Arthur W. B. Inductive reasoning and bounded rationality // *The American economic review*. 1994. Vol. 84, № 2. Pp. 406–411.
30. Arthur W. B. *Complexity and the Economy*. Oxford University Press, 2014.
31. North D. C. *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton University, 2005.
32. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).
33. Silvera R. Gender segregation in the labour market: roots, implications and policy responses in France // *Economics and Management*. 2008. Vol. 51.
34. Allen T. D. et al. Work – family conflict and flexible work arrangements: Deconstructing flexibility // *Personnel psychology*. 2013. Vol. 66, № 2. Pp. 345–376. DOI: 10.1111/peps.12012
35. Гасюкова Е. Н., Карачаровский В. В., Ястребов Г. А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 48–63.
36. Siegmann K. A., Schiphorst F. Understanding the globalizing precariat: From informal sector to precarious work // *Progress in Development Studies*. 2016. Vol. 16, № 2. Pp. 111–123. DOI: 10.1177/1464993415623118
37. Rogan M., Roeber S., Chen M. A., Carré F. Informal employment in the global south: Globalization, production relations, and “precarity” // *Precarious Work*. Emerald Publishing Limited, 2017. Pp. 307–333. DOI: 10.1108/s0277-283320170000031010
38. Lorenz C. If you're so smart, why are you under surveillance? Universities, neoliberalism, and new public management // *Critical inquiry*. 2012. Vol. 38, № 3. Pp. 599–629. DOI: 10.1086/664553
39. Lorenz C. Fixing the facts: The rise of new public management, the metrification of “quality” and the fall of the academic professions // *Moving the Social*. 2014. Vol. 52. Pp. 5–26.
40. Watts R. *Public universities, managerialism and the value of higher education*. Palgrave Macmillan UK, 2017.
41. Hardy J. A. (Re) conceptualising precarity: institutions, structure and agency // *Employee Relations*. 2017. Vol. 39, № 3. Pp. 263–273. DOI: 10.1108/er-06-2016-0111

References

1. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*, New York, Bloomsbury Academic, 2011.
2. Alonso A., Ferreira S., Alonso D. Middle Class Evolving To Precariat: Labour Conditions for the 21st Century, *Social Work & Society*, 2016, Vol. 14, No. 1, pp. 1–12.
3. Bessant J. Young precariat and a new work order? A case for historical sociology, *Journal of Youth Studies*, 2018, Vol. 21, No. 6, pp. 780–798. DOI: 10.1080/13676261.2017.1420762

4. Tikhonova N. E. Precariat and Prospects for Changes in Russian Society Social Structure, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, Vol. 2, No. 2, pp. 167–173 (in Russ.). DOI: 10.31857/s013216250004023-8
5. Volchik V., Maslyukova E. Entrepreneurship at the labour market: a case of precariat and informal employment, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2019, Vol. 6, No. 4, pp. 2095–2109. DOI: 10.9770/jesi.2019.6.4(38)
6. Toshchenko Zh. T. *Precariat: from the protoclass to the new class*, Moscow, Nauka, 2018, 350 p. (in Russ.).
7. Vol'chik V. V., Krivosheeva-Medyantseva D. D. Institutions, Technologies and Increasing Returns, *Journal of Institutional Studies*, 2015, Vol. 7, No. 1, pp. 45–58 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.1.045-058
8. Muntaner C. Digital Platforms, Gig Economy, Precarious Employment, and the Invisible Hand of Social Class, *International Journal of Health Services*, 2018, Vol. 48, No. 4, pp. 597–600. DOI: 10.1177/0020731418801413
9. Tran M., Sokas R. K. The gig economy and contingent work: An occupational health assessment, *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 2017, Vol. 59, No. 4, pp. e63–e66. DOI: 10.1097/jom.0000000000000977
10. Healy J., Nicholson D., Pekarek A. Should we take the gig economy seriously?, *Labour & Industry: a Journal of the Social and Economic Relations of Work*, 2017, Vol. 27, No. 3, pp. 232–248. DOI: 10.1080/10301763.2017.1377048
11. Polan'i K. *Great transformation: political and economic sources of our time*, Saint Petersburg, Aleteiya, 2002, 320 p. (in Russ.).
12. Bessant J. *The Great Transformation: History for a Techno-Human Future*, Routledge, 2018, 250 p.
13. Nelson R. R., Nelson K. Technology, institutions, and innovation systems, *Research Policy*, 2002, Vol. 31, No. 2, pp. 265–272. DOI: 10.1016/s0048-7333(01)00140-8
14. Nelson R. R., Winter S. G. Evolutionary theorizing in economics, *Journal of Economic Perspectives*, 2002, Vol. 16, No. 2, pp. 23–46. DOI: 10.1257/0895330027247
15. Standing G. The precariat: from denizens to citizens?, *Polity*, 2012, Vol. 44, No. 4, pp. 588–608. DOI: 10.1057/pol.2012.15
16. Volchik V. Facilities of original institutional economics in research of institutional changes, *Journal of Economic Regulation*, 2011, Vol. 2, No. 4, pp. 24–38.
17. Johannessen J. A. *The Workplace of the Future: The Fourth Industrial Revolution, the Precariat and the Death of Hierarchies*, Routledge, 2018.
18. Penprase B. E. The fourth industrial revolution and higher education, *Higher education in the era of the fourth industrial revolution*, Palgrave Macmillan, Singapore, 2018, pp. 207–229.
19. Volchik V., Klimenko L., Posukhova O. Socio-economic sustainable development and the precariat: a case study of three Russian cities, *Entrepreneurship and Sustainability*, 2018, No. 6, pp. 411–428. DOI: 10.9770/jesi.2018.6.1(25)
20. Gregory C. From public policy to pure anthropology: A genealogy of the idea of the hybrid economy, *Engaging Indigenous Economy: Debating Diverse Approaches*, 2015, Vol. 26, No. 1, pp. 29–42. DOI: 10.22459/caepr35.04.2016.03
21. Volchik V. V., Posukhova O. Y. Precarity and professional identity in the context of institutional change, *Terra Economicus*, 2016, Vol. 14, No. 2, pp. 159–173. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-159-173
22. Morgan G., Wood J., Nelligan P. Beyond the vocational fragments: Creative work, precarious labour and the idea of 'flexploitation', *The Economic and Labour Relations Review*, 2013, Vol. 24, No. 3, pp. 397–415. DOI: 10.1177/1035304613500601
23. Mirowski P., Nik-Khah E. *The knowledge we have lost in information: the history of information in modern economics*, Oxford University Press, 2017.
24. Vol'chik V. V., Koryttsev M. A., Maslyukova E. V. Institutional traps and new managerism in the sphere of education and science, *Upravlenets*, 2018, Vol. 9, No. 6, pp. 17–29 (in Russ.).
25. Volchik V., Maslyukova E. Performance and sustainability of higher education: key indicators versus academic values, *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 501–512. DOI: 10.9770/jssi.2017.6.3(14)
26. Hayek F. A. *The fatal conceit: The errors of socialism*, Routledge, 2013.
27. Olson M. The devolution of the Nordic and Teutonic economies, *The American Economic Review*, 1995, Vol. 85, No. 2, pp. 22–27.
28. Holcombe R. G. *Political capitalism: How political influence is made and maintained*, Cambridge University Press, 2018.
29. Arthur W. B. Inductive reasoning and bounded rationality, *The American Economic Review*, 1994, Vol. 84, No. 2, pp. 406–411.
30. Arthur W. B. *Complexity and the Economy*, Oxford University Press, 2014.
31. North D. C. *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton University Press, 2005.
32. Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the NRU HSE (RLMS-HSE), conducted by the National Research University "Higher School of Economics" and "Demoscope" Close Corporation with the participation of the Carolina Population Center of the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology RAS, available at: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (in Russ.).
33. Silvera R. Gender segregation in the labour market: roots, implications and policy responses in France, *Economics and Management*, 2008, Vol. 51.

34. Allen T. D. et al. Work – family conflict and flexible work arrangements: Deconstructing flexibility, *Personnel Psychology*, 2013, Vol. 66, No. 2, pp. 345–376. DOI: 10.1111/peps.12012
35. Gasyukova E. N., Karacharovskii V. V., Yastrebov G. A. Diversified precariat: on the sources and forms of instable social status of individuals and groups, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2016, No. 3, pp. 48–63 (in Russ.).
36. Siegmann K. A., Schiphorst F. Understanding the globalizing precariat: From informal sector to precarious work, *Progress in Development Studies*, 2016, Vol. 16, No. 2, pp. 111–123. DOI: 10.1177/1464993415623118
37. Rogan M., Roever S., Chen M. A., Carré F. Informal employment in the global south: Globalization, production relations, and “precarity”, *Precarious Work*, Emerald Publishing Limited, 2017, pp. 307–333. DOI: 10.1108/s0277-283320170000031010
38. Lorenz C. If you're so smart, why are you under surveillance? Universities, neoliberalism, and new public management, *Critical Inquiry*, 2012, Vol. 38, No. 3, pp. 599–629. DOI: 10.1086/664553
39. Lorenz C. Fixing the facts: The rise of new public management, the metrification of “quality” and the fall of the academic professions, *Moving the Social*, 2014, Vol. 52, pp. 5–26.
40. Watts R. *Public universities, managerialism and the value of higher education*, Palgrave Macmillan UK, 2017.
41. Hardy J. A. (Re) conceptualising precarity: institutions, structure and agency, *Employee Relations*, 2017, Vol. 39, No. 3, pp. 263–273. DOI: 10.1108/er-06-2016-0111

Дата поступления / Received 26.09.2019

Дата принятия в печать / Accepted 02.12.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2019

© Маслюкова Е. В., Вольчик В. В., 2019

© Maslyukova E. V., Volchik V. V., 2019